

Курьёзная версия истории советской исторической науки*

Появление новой книги о жизни и деятельности известного советского историка Анны Михайловны Панкратовой (1897–1957) должно было бы стать заметным событием в историографических кругах. Беглый просмотр монографии А.В. Савельева, насыщенной новыми архивными документами (в том числе из фондов Архива РАН, Отдела рукописей РГБ, РГАСПИ, РГНИ, Центрального архива общественно-политической истории Москвы), настраивало на ожидание подробной реконструкции биографии учёного, которое усиливалось уверением автора в том, что он написал «правдивую книгу». К сожалению, внимательное чтение эту иллюзию быстро разрушило, причём моё недоумение нарастало с каждой прочитанной страницей.

Во введении Савельев мельком обозначает, что методологической новацией, на которой строится его концепция, является «статусный подход». Впрочем, он не посчитал нужным объяснить, в чём суть этого подхода, и выводы читатель может делать только из дальнейшего содержания и мимоходом брошенных замечаний. Видимо, автор монографии считает, что «статусный подход» заключается в анализе истории исторической науки сквозь призму борьбы учёных за собственный «статус» с целью его дальнейшего использования в личных целях. В принципе, это могло бы выглядеть как отсылка к идеям Пьера Бурдьё о борьбе за символический и институциональный капитал. Однако, забегая вперёд, замечу, что на самом деле методологической основой книги является не «статусный», а скорее конспирологический подход. Именно заговорами и скрытыми от всех (конечно, кроме автора монографии) интригами объясняется в ней не только жизненный путь А.М. Пан-

кратовой, но и развитие всей советской исторической науки.

Эпоху, в которой жила и творила Панкратова, уже давно и привычно называют переломной. Октябрьская революция сломала десятилетиями складывавшееся профессиональное сообщество историков с его научными и преподавательскими институтами, внутрикорпоративной иерархией, традициями и этикой. На смену дореволюционной университетской и академической научно-исторической элите пришло новое поколение со своей субкультурой и этическими принципами. Революционная романтика и пафос строительства нового общества, частью которого должна была стать и новая наука, стали его неотъемлемой чертой. Достижения нового строя (как те, что уже свершились, так и будущие) многими молодыми историками однозначно ассоциировались с большевистской партией и её вождями. Им казалось, что сама современность являлась главным доказательством верности марксистских исторических концепций. Многие из них не видели принципиальной разницы между историком-профессионалом и историком-партийцем, между наукой и идеологией. Об этом поколении образно писал Ю.А. Поляков: «Поколение было предано идее. Оно было предано идеей, точнее лидерами, которые своими действиями губили идею»¹. Сложные времена порождали сложные судьбы. Биография Панкратовой – наглядный тому пример.

Панкратова, как принято считать, являлась типичным представителем целого поколения советских историков, что выражалось в первую очередь в её преданности партии и идеалам, ориентации на изучение истории пролетариата, активной партийной деятельности и т.д. Савельев

* Савельев А.В. Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 432 с.

Рецензия подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных (проект № МК-2627.2013.6).

пытается пересмотреть сложившийся историографический образ Анны Михайловны. По его мнению, такая оценка в корне неверна. Он стремится показать едва ли не диссидентскую направленность её деятельности. Правда, невооружённым глазом диссидентский компонент разглядеть трудно, так что автору приходится оговаривать, что «“диссидентство” Панкратовой обнаруживало себя лишь в организационной сфере. Что касается её научной “продукции”, содержания её опубликованных в печати работ, то оно было так “обкатано” идеологически и стилистически, что почти никогда не вызывало нареканий» (с. 164). Таким образом, признав тот факт, что в чисто научном смысле труды ученого полностью соответствовали «генеральной линии» партии, Савельев вынужден сместить акценты в сторону рассмотрения ее организаторской деятельности. А коль скоро и здесь зримых случаев «диссидентства» не обнаруживается, то ему приходится сконструировать, по сути, альтернативную историю, построенную на приёме, типичном для псевдоисторической литературы – игнорировании очевидных фактов, которые объявляются «сфальсифицированными», и предпочтении им теории заговора как универсального средства объяснения.

Как и у любого революционера, у главной героини книги есть антипод-реакционер в лице известного советского историка А.Л. Сидорова – проректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) (1948–1952), директора Института истории АН СССР (1953–1959). Савельев не скупится на негативные эпитеты по отношению к нему: «типичный мятущийся школяр», «шарлатан» (с. 54), «идеолог-ортодокс» (с. 56), «опытный политический интриган» (с. 56), «лжеучёный» (с. 109), «аферист» (с. 111), «лидер советских псевдоисториков» (с. 420) и т.д. Любые действия Панкратовой априорно оправдываются, а Сидорова – осуждаются. Антипатия к Сидорову автоматически переносится на его учеников, многие из которых примыкали к «новому направлению» в советской историографии. Последнее, по мнению автора, представляло собой сборище карьеристов и бездарностей.

Сияясь представить Панкратову настоящим диссидентом в высшем руководстве советской науки, Савельев очень своеобразно интерпретирует факты. Так, указывая на то, что Панкратова «уже со студенческих лет неоднократно выезжала за границу», он объясняет это хорошим знанием иностранных языков и якобы типичной для её научных работ «глобалистской» составляющей (с. 35). При этом он забывает добавить, что за рубежом в то время разрешалось выезжать только проверенным и преданным партийной линии людям.

Дальнейшая судьба Панкратовой вполне вписывается в алгоритм карьеры «красного профессора»: непрекращающаяся борьба на историческом фронте, лавирование между партийными функционерами и концептуальные повороты в зависимости от изменения политики партии. В этом смысле возникает вопрос, как одна из любимых учениц М.Н. Покровского смогла остаться «на плаву» после разгрома учителя? Ответ на это требует трезвого анализа нравов и этики «выживания», характерных для тогдашнего общества. Вместо этого Савельев пытается пересмотреть роль Панкратовой в критике своего учителя, стремясь смягчить смысл и содержание её известной разгромной статьи в сборнике «Против исторической концепции М.Н. Покровского». В книге утверждается, что Панкратова использовала «эзопов язык», «а хлесткая политическая фразеология помогает даже скрыть факт дистанцирования от основной темы работы, ибо вместо анализа исторических взглядов М.Н. Покровского Панкратова на протяжении почти всей статьи анализирует и демонстративно резко критикует политические и философские взгляды своего любимого учителя» (с. 50). Хотелось бы напомнить автору, что такой подход отнюдь не свидетельствовал о желании дистанцироваться от посмертного разгрома наследия Покровского, а был типичной формой историографической критики, привитый выпускникам Института красной профессуры, где история, как известно, рассматривалась как «политика, опрокинутая в прошлое». Исходя из этого постулата, в центре внимания критиков неизменно оказывались не соб-

ственно исторические концепции, а их предполагаемая политическая классовая подоплёка.

Параллельно взлётам и падениям в карьере Панкратовой автор пытается показать и путь восхождения на академический Олимп А.Л. Сидорова. Совершенно в духе чёрно-белого мифологического мышления Савельев всячески стремится представить двух историков как полных антагонистов. Между тем в их судьбе было больше общего, чем различного. Жизнь Аркадия Лавровича также полна партийных интриг, общественно-политической работы, борьбы с «прорывами исторического фронта» и т.д. Савельев старается подвести под противопоставление двух историков «историографическую базу». Если Панкратова – ученица Покровского, то Сидоров объявляется представителем школы Е.М. Ярославского. Сразу возникает резонный вопрос: если основы «школы Покровского» более или менее ясны, то в чём же заключается сущность «школы Ярославского»? Имеем ли мы право говорить о её существовании? Ответа нет. Читатель находит только следующий пассаж: «Именно под руководством Е.М. Ярославского Сидоров успешно овладеет теми приёмами, которые затем прочно вошли в его базовый методологический арсенал: тотальным администрированием и стремлением к захвату командных высот в науке, конъюнктурным историко-партийным подходом при анализе самых различных источниковых данных, а также изощрёнными административными и жестокими закулисными методами борьбы со своими научными оппонентами» (с. 55). Между тем на основе дальнейшего содержания книги у читателя формируется совершенно определенное мнение о том, что Панкратова владела этими же методами ничуть не хуже.

Рассматривая деятельность Сидорова, автор при помощи многочисленных намеков и домосливания фактов старается представить его как активного участника многочисленных репрессивных акций. «Не прошло и года после его появления на кафедре Истории СССР периода социализма в МГУ, как от руководства кафедрой была отстранена сначала А.М. Панкратова, а затем и её друг и ближайший колле-

га по работе Н.М. Дружинин. Это была, по-видимому, первая кадровая чистка в научных рядах, к которой был непосредственно причастен А.Л. Сидоров, чистка, проведённая без особого шума и не оставившая почти никаких историографических следов» (с. 60–61). Выдвинув столь серьёзные обвинения, Савельев вновь не приводит каких-либо доказательств. Да они ему и не требуются. Он убежден, что Сидоров всегда пользовался «тактикой подставных фигур» (с. 168). Кроме того, Савельев недвусмысленно даёт понять, что появление Сидорова в журнале «Историк-марксист» привело к «затяжной анонимно-клеветнической кампании против ответственного редактора журнала Н.М. Лукина, который являлся одновременно и директором Института истории АН СССР» (с. 61). Доказательств вновь нет. Конечно, подобные заявления требуют хоть какого-то документального подтверждения. В биографии Аркадия Лавровича и так достаточно тёмных пятен, зачем искусственно придумывать новые?

Дальше – больше. Под сомнение автор ставит и сам факт защиты Сидоровым докторской диссертации. Его не смущает наличие рукописи в личном фонде историка и посмертная публикация. Автору кажется странным то, что «нет сведений о том, кто конкретно присутствовал на этой “защите”, нет сведений об официальных оппонентах, о диспуте, о тайном голосовании.... Сам Сидоров, разумеется, на “защите” также не присутствовал и не выступал» (с. 94). Вот так! При этом, как обычно, кроме домыслов, никаких серьёзных аргументов.

Переходя к описанию военного и послевоенного времени и рассматривая знаменитое совещание историков 1944 г. в ЦК ВКП (б), автор попутно пересматривает традиционное негативное представление о А.А. Жданове как о «злом гении» эпохи позднего сталинизма. Ориентируясь на очень спорное мнение о том, что Жданов исполнял роль противовеса ортодоксам и идеологическим погромщикам, в том числе Г.Ф. Александрову², Савельев рассматривает сотрудничество Панкратовой с этим партийным деятелем как продуманный ход в борьбе «историков-интеллектуалов» с «историками-

цензорами». Думается, что для подобных утверждений необходимо было бы хоть как-то обосновать мнение о Жданове как реформаторе. Большинство современных историков не считают убедительными попытки представить его самостоятельной политико-идеологической фигурой, подчёркивая полную зависимость его инициатив от воли И.В. Сталина³. Отталкиваясь от сомнительной гипотезы, автор предлагает совсем уж фантастическую версию о том, что Панкратова в союзе с Е.В. Тарле и с опорой на Жданова разгромила А.С. Щербакова и его сторонников, «историков-цензоров». Попытка представить Панкратову и Тарле друзьями-союзниками в борьбе за свободу исторической науки вызывает крайнее недоумение. Как известно, именно письмо Панкратовой против Тарле послужило поводом для проведения совещания историков в ЦК ВКП(б). По мнению автора, два учёных просто разыграли общественность, желая всех убедить в идейном противостоянии, а на самом деле таким странным путём стремились дискредитировать А.С. Щербакова. Более того, Савельев почему-то считает, что в образе Екатерины II, созданном Тарле в его трудах, знаменитый историк на самом деле описывал Панкратову (с. 97). Все эти фантазмагорические утверждения явно противоречат многочисленным документам и прямым свидетельствам о напряжённых отношениях между Тарле и Панкратовой.

Возвращаясь к нелюбимому им Сидорову, автор находит ещё одного борца с ним. Таким героем неожиданно становится И.И. Минц. По утверждению автора книги, Аркадий Лаврович в годы войны, проявив присущую всем негодям трусость и сбежав с фронта в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, возглавляемую Минцем, вскоре превратил это учреждение «в некое подобие офицерского клуба, через который в историческую науку устремляется поток низкокачественных сочинений». Чтобы воспрепятствовать Сидорову, Минц якобы... просто распустил Комиссию (с. 113). Автора не смущает тот очевидный факт, что деятельность Комиссии курировалась на самом верху, её роспуск никоим образом не мог находиться в компетенции

Минца и тем более не мог иметь причиной какие бы то ни было действия Сидорова. Как утверждает Савельев, Минц продолжил свою борьбу с Сидоровым и далее, а после смерти последнего в 1966 г. боролся с его учениками и «новым направлением». Парадоксальным образом автор главного мифологизирующего труда советской исторической науки – «Истории Великого Октября» – превращается в благородного борца против действительно оригинальной, по советским меркам, концепции «нового направления».

Место Аркадия Лавровича в идеологических кампаниях послевоенного времени, по понятным причинам, особенно интересует автора. Он подчёркивает, что «этот долговязый, лысый профессор и в АОН присутствовал на всех проработочных мероприятиях» (с. 124). Правда, автор обнаруживает плохое знакомство с литературой, посвящённой этой теме. С его точки зрения, только А.Н. Шаханов⁴ объективно освещает роль Сидорова. При этом он забывает о статье А.М. Некрича⁵, где, в том числе и на архивных документах, показана руководящая роль Сидорова в антикосмополитических погромах в МГУ. Можно вспомнить и многочисленные мемуары. Неверно и то, что Панкратова уклонялась от посещения собраний по борьбе с «буржуазным объективизмом», а потом и «космополитизмом». Мы находим Анну Михайловну на большом собрании в Институте истории АН СССР, посвящённом борьбе с космополитами, на котором она произносит пространную речь⁶. Именно она доносит новые идеологические директивы до провинции, читая лекцию «Борьба против буржуазного национализма и космополитизма в исторической науке» в Минске⁷. Наконец, она разъясняет 17 мая 1950 г. в Обществе по распространению политических и научных знаний суть новых постановлений по идеологическим вопросам⁸. И таких примеров немало. Некорректно утверждение и о том, что кафедра истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС, возглавляемая Панкратовой, «почти не дублировала подобные мероприятия». Автор забывает, что именно в АОН в течение трёх дней прошло совместное заседание всех исторических кафедр академии,

на котором громили космополитов. Выступила там и Панкратова⁹. После такого мероприятия заседания отдельных кафедр были излишними. Савельев признаёт, что кампания не вызвала никаких возражений со стороны Панкратовой, но пытается объяснить этот факт особым «дипломатическим» стилем «жизни и борьбы этой замечательной женщины, историка-борца» (с. 124). Вместе с тем автор просто не хочет понять, что и Сидоров, и Панкратова — дети своего времени. Оба они совершали как неблагоприятные, так и благородные поступки.

Работа Панкратовой в первые годы после смерти Сталина была направлена, как утверждает в книге, ни много ни мало на «перестройку всей исторической науки СССР» (с. 148). Более того, журнал «Вопросы истории» «под руководством А.М. Панкратовой функционировал в значительной степени как организационно прикрытый “сверху” легальный самиздат» (с. 151). На чём основываются такие выводы? Называть официальный исторический журнал, контролировавшийся ЦК КПСС, «самиздатом» — явная нелепость.

Как уже отмечалось выше, автор с явной антипатией относится к «новому направлению», в рядах которого особенно заметную роль играли ученики Сидорова. Савельев с какой-то иррациональной ненавистью пытается перечеркнуть всё, что сумели сделать в непростых условиях того времени «новонаправленцы». Стоит напомнить, что «новое направление» — это условное обозначение группы историков, стремившихся в рамках марксистской парадигмы по-новому интерпретировать социально-экономические процессы, проходившие в Российской империи в начале XX в. К нему себя причисляли такие выдающиеся специалисты, как К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, А.Я. Аврех, М.Я. Гефтер, Л.М. Иванов, В.В. Адамов, К.Ф. Шацillon, А.М. Акимов и многие другие. Обоснование ими феномена многоукладности российской экономики и наличия феодальных пережитков в её ведущих сегментах объективно ставило под вопрос закономерность Октябрьской революции. Бдительные идеологи увидели в этом попытку пересмотреть устоявшиеся догмы. При активной роли заведующего

Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова «новонаправленцы» были обвинены в ревизионизме и подвергнуты разного рода наказаниям. Директор Института истории СССР П.В. Волобуев, поддерживавший «новое направление», был снят с должности и фактически сослан в Институт истории естествознания АН СССР¹⁰. После этих событий над жертвами ещё долго висел Дамоклов меч.

Иной взгляд у Савельева. С его точки зрения, «новонаправленцы» являлись приверженцами «сталинской идеологии». Миф же о «новом направлении», по словам разоблачителя, был искусственно создан его сторонниками. В противовес «новому направлению Сидорова», автор пытается доказать, что на самом деле следует говорить о «новом направлении» Панкратовой. Но в чём суть этого «направления», каков его персональный состав, научная программа и концептуальные новации? Автор, естественно, не даёт ответа, предпочитая обещать, что «об этом будет сказано в другой главе», либо ограничиваясь туманными намеками. Всё, что удалось выудить из довольно сумбурного текста — это утверждение, что Панкратова и её соратники были нацелены на «перманентный ревизионизм». Не перечислены и сторонники «нового направления» Панкратовой. Если многие ученики Сидорова стали, благодаря или вопреки их учителю, крупными учёными (по мнению Савельева, это произошло только из-за их врождённого умения захватывать высшие командно-административные посты), то среди учеников Панкратовой выдающихся представителей исторической науки несравнимо меньше. С чем это связано, конечно же, требует специального осмысления. Согласно домыслам Савельева, ученики Сидорова всячески стремились стереть «историографическую память» о «новом направлении» Панкратовой. Более того: «Следует учитывать и то обстоятельство, что в фонде А.М. Панкратовой в архиве АН СССР длительное время в качестве “экспертов” трудились “новонаправленцы” — сторонники А.Л. Сидорова, которые сознательно забраковывали (а возможно, и уничтожали) значительную часть научной продукции, созданной

А.М. Панкратовой и предназначенной для публикации» (с. 207). Комментарии, как говорится, излишни.

В глаза бросается и прямо-таки болезненное отношение автора к историкам, обладающим «статусом» (вспомним его «статусный подход»). Например, о Б.Д. Грекове мы находим следующий пассаж: «Однако, как это часто бывает в научных сообществах, руководимых авторитарными методами, большинство их сотрудников было вынуждено в конце концов изучать преимущественно те проблемы, которые интересовали руководителя коллектива, то есть самого Б.Д. Грекова» (с. 133). Автор забывает, что в Институте истории АН СССР было множество секторов, занимавшихся различными периодами всемирной истории. Все они «работали на Грекова»?

Сочинение Савельева оставляет очень тяжёлое впечатление. Книга полна проклятий в адрес представителей сегодняшней академической и вузовской науки, чем-то не угодивших автору. При этом он умудряется делать далеко идущие выводы даже из вполне бытовых вещей. Показательным является его «путешествие» в 2003 г. по коридорам Института российской истории РАН. Автор долго перечисляет длинный список «статусных табличек с именами Начальников». Не сумев найти кабинет директора (поскольку осмотрел почему-то только третий этаж), он сделал соответствующий вывод: «Начальство такого высокого уровня всегда предпочитало находиться вне поля зрения своих “рядовых” сотрудников» (с. 229). Нашему герою невдомёк, что достаточно было спуститься этажом ниже, где и находится кабинет директора, а не вписывать даже такую мелочь в свою картину мира.

Биография Панкратовой постоянно переплетается с «нелёгкой» жизненной историей самого автора. Солидный раздел книги посвящён его собственной автобиографии. Гонимый из всех учреждений, он упорно пополнял свой длинный список «врагов», культивируя при этом статус «независимого историка». Очевидно, что в Сидорове воплотился для него собирательный образ всех его реальных и воображаемых недоброжелателей. При этом, разумеется, особую ненависть вызывают

у него люди, хоть как-то связанные с «новым направлением». Например, предложение познакомиться с Р.Ш. Ганелиным Савельев отверг, задав читателям риторический вопрос: «Но какую помощь я мог получить у этого ревностного последователя “школы” Сидорова?» По таким же причинам не состоялось сотрудничество с журналом «Вопросы истории»: «Чем мог помочь мне главный редактор журнала... А.А. Искендеров, под крылом которого в качестве “эксперта-консультанта” работал ненавистный мне В.В. Поликарпов?» (с. 392). «Провинность» В.В. Поликарпова заключалась при этом только в публикации ряда работ по истории «нового направления», естественно, написанных с позиций, прямо противоположных «теориям» автора книги. Только «светлый образ» Панкратовой придавал Савельеву силы в борьбе: «Внезапно странное чувство овладело мной. Подсознание высветило знакомый образ А.М. Панкратовой, я ещё раз отчетливо осознал величие этой давно ушедшей из жизни женщины и ощутил свое духовное родство с ней. “Спасибо тебе, Анна Михайловна, – мысленно прошептал я. – Спасибо за жизнь, за опыт борьбы и за подлинную науку – науку истории. За всё, что я пережил и передумал в эти трудные годы, я благодарен тебе, наша российская Жанна д’Арк, наша неутомимая Аннушка!”». И тут обойдёмся без комментариев...

По уверению автора, книга адресована «демократическому читателю». Остаётся только надеяться, что такой читатель не будет доверять домыслам и безапелляционным оценкам Савельева, а постарается понять, что людей и их действия, обусловленные не только личными качествами, но и сложным и противоречивым временем, не стоит рассматривать однобоко и мазать черной или белой краской. К сожалению, многочисленные архивные находки, положенные в основу монографии, обесцениваются тенденциозностью автора, его очевидным стремлением выпячивать или своеобразно интерпретировать одни факты и умалчивать о других, подгоняя их, по его же терминологии, под собственную «телегу». Приходится констатировать, что научную биографию А.М. Панкратовой ещё предстоит написать. Рассмотренная

же книга займёт свое место в ряду своеобразных историографических казусов, пополнив коллекцию «кунсткамеры» исторической науки. Больше автора поздравить не с чем.

В.В. Тихонов

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 241.

² Hahn W. Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953. Ithaca, 1982.

³ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 44–45.

⁴ Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.И. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник за 2004 г. М., 2005. С. 193–196.

⁵ Некрич А.М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 301–320.

⁶ Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 207, л. 53–64.

⁷ Там же, ф. 697, оп. 1, д. 50.

⁸ Там же, д. 70.

⁹ Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. С. 547–549.

¹⁰ Подробнее см.: Полицарнов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionism historiography, 1956–1974. Palgrave, 2000; Осадченко Б.А. Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 200–218; Шепелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Там же. С. 219–257; Константин Николаевич Тарновский. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002; Осадченко Б.А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 562–575.

Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И.М. Пушкарёва [и др.]; отв. ред. И.М. Пушкарёва. СПб.: Алетей, 2011. 476 с.

В постсоветской отечественной историографии, к большому сожалению, «рабочая тема» довольно быстро стала отходить на второй, если не на третий план. Даже в учебниках по истории России для вузов, не говоря уже о школьных, соответствующие разделы начали стремительно сокращаться в объёмах и предоставлять всё более скудную информацию. Так, в учебнике «История России с древнейших времён до наших дней», написанном А.Н. Сахаровым, А.Н. Бохановым и В.А. Шестаковым, рабочее движение от Морозовской стачки 1885 г. до начала революции 1905 г. не рассматривается вовсе, что вряд ли поможет студентам понять все причины революции 1905 г.¹

Авторы коллективной монографии «Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.» (И.М. Пушкарёва, Л.И. Бородин, С.Р. Глазунов, А.В. Новиков, С.И. Потолов, И.В. Шильникова) опираются на

уникальный комплексный источник – «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника» (далее – Хроника). Первая серия Хроники (вып. I–X), охватывающая 1895–1904 гг., была издана в 1992–2008 гг. под редакцией доктора исторических наук И.М. Пушкарёвой. Её появление стало итогом многолетней работы большого числа историков – сотрудников академических институтов, вузов, архивов. К 1991 г. в основном было завершено создание базы данных, включавшей данные из 466 фондов 112 архивов бывшего СССР. Большой вклад в подготовку Хроники и разработку полей базы данных для дальнейшего обобщения собранной в ней информации внесли В.И. Бовыкин и Ю.И. Кирьянов. Разделы Хроники («Массовые выступления рабочих», «Рабочие, политические и партийные организации» и «Листовки») отражают истинные размеры рабочего движения, уровень его организованности, влияния на него разных